

Послевоенное лето

Светящаяся пыль стеной до неба.
Из печки — сладкий дух ржаного хлеба.
Галоши на ногах. Мне — пятый год.
На пальчике — плетёное колечко.
Солдат без ног на липовой дощечке
С колёсами в ладошку у ворот.

Он на меня смотрел светло и кротко,
В одной руке — линялая пилотка,
В другой — на спичке красный леденец.
И, чем-то засмуцавшись на минуту,
Он мне его не отдал почему-то
И белым стал. И страшен как мертвец.

Он, словно привидение из мрака,
Смотрел в моё лицо, молчал и плакал,
И что-то вдруг привиделось ему.
Земная твердь у ног загрохотала
И смерть — свинец — лавинами метала,
И шёл солдат в клубящемся дыму.

Он ползал в чреве дышащего ада,
Он рыл чужую землю для собрата
В саду близ догоравшего жилья.
Он шёл по пепелищам лихолетья,
Он шёл затем, чтоб в тихом предрассветье
Услышать под Берлином соловья...

Ещё не знала я, что мне — ребёнку
Та встреча с ним — зияющей воронкой
Оставит эхо пройденной войны...

Ещё не знала я, что плыли реки
Кровавых слёз безногого калеки —
Счётами моей будущей вины...

Две слепые старухи в 90-х

На сползавший закат, слыша осень вполуха —
Из напевных дождинок с намокшей листвы,
По старинному парку продрогшей Москвы
Шли навстречу зиме две слепые старухи...

Брызнет блестящей влагой журавль у криницы,
Запоют хоры вьюг молодых февралей,
И свеченье далёких щемящих углей
Как во сне проплывут золотой вереницей...

А старухи идут, гомонят — не глухие.
Вспоминают, как звёзды восходят из тьмы,
Что Господь уберёт от сумы да тюрьмы,
Как смогли пережить обе годы лихие...

Лунный блик заскользит на их сморщенных лицах,
Чуть задержится дрожью сомкнувшихся век.
И расстелется холст, где и пламя, и снег,
И хрипящие кони в обеих столицах...

Там же двух гимназисток, от страха дрожащих,
Встретит сабельный визг у кремлёвской стены —
Под десницей великой бессмертной войны
В блеске крови её на знамёнах кипящих...

И расстелется холст... Ручки, перья и ластик,
И всё то, что их век за собою унёс...
Трепет губ — из горчащих и радужных слёз...
И свистящее небо грохочущих свастик...

И ничтожный лишь миг... Ветром гулким гонимый —
Скрежет танков, в упор расстрелявших страну...
И как, бедным, понять, что и эту вину
Унесут, беспощадной и неискупимой, —

Из заросших полей, пепелищ и разрухи,
Из дымящихся вёрст и плывущих мостов.
И откуда средь тлена забытых крестов —
Шли навстречу зиме две слепые старухи...

Памяти октября 93-го

Оглянись, современник, безмолвен и тих.
Не оркестром ли век твой гремит вдоль границы?
Не твои ль времена — у истлевшей криницы
Средь развалин и свалок разводят костры?
Не пещерный ли вихрь буреломов лихих
То сметает столбы леденящей метелью,
То, залив белый свет колокольною трелью,
Из песочных часов воздвигает мосты?..

Ты не умер ещё, соплеменник! Гляди,
Там, на папертях, люди стоят отрешённо.
Ты ускоришь шаги и как тень, отражённый,
Унесёшь за собой безысходность их лиц.
Обернись. Что оставил ты там, позади?
Видишь? Стелется дым над родным пепелищем.
Что же ты? Ты — согбенным невидимым нищим
Побредёшь вслед цепям растворившихся птиц...

И, наверное, вспомнишь, преступно незрим,
Как стоял на мосту, чёрный дым созерцая.
Как вокруг обречённо кричала рыдая
И металась у глаз золотая листва...
Как большая страна под распятым своим
Тихо плакала в дымно тягучем рассвете,
И в разливах курантов пел западный ветер.
И смывала кровавые лужи Москва...

Ностальгия. Моя Украина

Я больше не помню скамьи у резного крылечка.
Крыла журавля над журчащей водой у криницы.
Не помню, как сладко трещала поленьями печка,
И пела романсы у маминых ног — половица.

Я больше не помню и сказочной вербы склонённой
Над тропкой, бегущей куда-то над речкой игриво,
Где время застынет жестокой верстою пленённой,
Где я серым камешком стала в подножье обрыва...

Я больше не помню бессмертья щемящих оконцев
Побеленной хаты под вишней за странной границей,
И плеска над ней в небесах восходящего солнца,
Что больно и сладко в рассветных мгновениях снится...

Я больше не помню пьянящий и запах еловый,
И нежные трели дрозда на околице рая.
Зачем же — «Купите фиалки — букетик лиловый»¹
Я слушала маленькой девочкой там, умирая?..

Глаза солнца

Я хочу, столько лет, в жажде странной и давней,
Распознать и осмыслить — что есть небеса.
В раскидавшийся свет, окровавленно ранний,
Поглядеть восходящему солнцу в глаза...

Что увижу я в их раскалённом раздумье —
Завихрившийся снег ли в полночном окне
Иль невидимый крест в бездорожном безлунье,
Что однажды был Господом послан и мне?

Может, рассыпь зелёных лучей бессловесных
Для невидящих глаз холстяных фонарей?
Иль гранитные камни тропинок безвестных
Под ногами гуляющих диких зверей?

Что — на их восхищённо искрящихся днищах,
Возрождаясь из тлена, застынет во прах —
Средь моих же свечей, на моих пепелищах,
И в моих берестяно поющих кострах?..

Что увижу я в лоне их праздного взгляда —
Может, дым, что объял за спиною мосты?

¹Грустная лирическая песня 50-х годов.

Цепеняще ли огненный вальс листопада
Над осколком украденной в полночь звезды?

Солнце, тихо сползая вдоль старой аллеи,
Улыбнулось печально мне, вздрогнув слегка.
А недвижны, как статуи, мудрые ели
Провожали в безжизненный путь облака...

Время

Я не знаю, не вижу и не ощущаю
Ни объятий твоих, ни следов на крыльце.
Но не ты ли меня, словно призрак в венце,
За собою влечёшь безотвратно куда-то?
Я бессильна в объятьях твоих! И прощаю,
Как младенцу рождённому только что — крик,
Мой незримо мелькнувший единственный миг,
Унесённый безжалостно в чрево заката...

Ты — моё... Так отдай мне мольбу искупленья,
Коль ступаешь на мой пошатнувшийся мост, —
Поцелуев безгрешных и краденых звёзд,
Колких выюг и клыков из распахнутой пасти.
Ты — моё! Так отдай мне ещё хоть мгновенье
Отражённых в стекле драгоценных камней...
И я сладко заплачу над бездной твоей
И берёзовых прядей, и лживого счастья...

Чёрно-белая птица

Памяти Виктора Беляева

— Я открою окно. Странно, сумрак густится.
С неба камнем летит чёрно-белая птица...
И в стекло безоглядно и яростно бьёт.
Что ей нужно от нас? Отчего так тревожно?
Что так душу мою беспощадно безбожно —
Цепкой дланью какой — и терзает, и рвёт?

Почему ты молчишь? Ты куда-то уходишь?
Ты мне снился. Как будто один тихо бродишь
Среди залитых солнцем заснеженных скал.
Подойди же к окну. Видишь? В трещинах клёны,
Словно с древней холстины глядят изумлённо,
Как вспаривший листок невесомый — упал.

Не смотри на меня так. Вон небо светлеет.
Птица рвётся в стекло... Почему-то белеют

На глазах, видишь? перья её чёрных крыл.
Так отчаянно бьются в решётку темницы...
Улетай! Что ты хочешь, несчастная птица?
Отчего этот твой обезумевший пыл?

То ли где-то отбилась от стаи, бедняжка...
Что же душу сегодня мне гложет так тяжко...
И не вспомнишь ни счастья, ни горестей-бед.
А ты всё же уходишь? И мне улыбнёшься?
Непременно, я знаю. Но скоро ль вернёшься?
— Нет, родная. Прости меня. Нет...

* * *

Лишь миг... И охладет свод небесный,
Степенно стихнет ветер у крыльца.
Звезда, коснувшись краешком лица,
Безумным светом вспыхнет, уплывая,
И что крадёт — лишь Господу известно...
Осколками полуночную мглу
Засыплет и в обычную золу
К восходу превратится, остывая.

И дрогнет твердь под парковой аллеей,
И лёд её отточенных камней
Заглотит блеск и дым твоих огней,
О грешных тайнах вскользь упоминая.
Ты кинешь взгляд куда-то вдаль, бледнее
Под жуткий вальс осеннего листа.
Увидишь арки вечного моста,
Бессмертия его ещё не зная...

Сын. Памяти Родиона

Римме Лютой

Он — в стекле. На стене. В тонкой рамке.
Как ни горько, родная, тебе.
И ему только преданный ангел
Будет спутником-стражем в судьбе.

И не путник, актёр или зритель —
Он найдёт для себя островок,
Где тепла и надёжна обитель,
Где недвижим взошедший восток.

Ну, а там, средь вселенского снега,
Средь равнин из серебряных льдов,
То ль Медведица, то ли Омега
Вспыхнет горним цветеньем садов.

И растерянный взгляд оживится
Среди сонма светящихся крыл.
И он тихо в окно постучится.
И услышится: «Мама, я был...»

Портрет. Памяти Родиона

Вячеславу Лютому

Он ушёл. Ни о чём не жалея...
От тревог, и обид, и грехов.
Ну, а ты, жить ещё не умея,
Шёл по следу безмолвных волхвов.

Что ты видишь теперь долгой ночью?
Иль нетронутый белый листок,

Вереницу ль нагих многоточий
Сквозь бесстрастно взошедший восток?

И ничем, и нигде не согреться,
Полон свет предсказаний и смут.
Так послушай несчастное сердце:
Ведь тебя ещё любят и ждут.

Ты — мужчина. Ты — сильный. Смирись же.
Что ты смотришь бессмысленно в дверь?
И пойми: никогда ещё ближе
Не был он от тебя, как теперь.

Ты уже ощутил, что отныне —
Ни сомнений, ни счастья, ни ссор.
Только небо слепящей пустыней
Да щемящий мальчишеский взор.

И он памятью скорбно неправой
Во мгновенье остался тебе.
Как чудовищно сладкой отравой.
Как единственным вздохом в судьбе...

* * *

Что тебе фонари в темноте подворотни,
От осколка стекла незаживший ожог...
Этот листик, приникший к окну, прошлогодний,
И сургучные письма из почты господней,
И суровый, с самим же собой, диалог...

Что тебе птичий клин в облаках леденящих,
Крепостная ограда — из лунных зеркал...
Покрасневшие гроздья рябинки щемящей,
Оркестровый аккорд вдалеке цепенящий
И сверкнувший с обочины волчий оскал...

Что тебе заострённый клинок блудной черни,
За плечами — безмолвье в истёртой суме,
Если с каждой минутой твоей — всё смятенней
Льётся свет упоительно жуткий — вечерний?..
Ни вернуть, ни объять... Растворяясь во тьме...